

политика

А.Н.Канюков

ПРЕСУППОЗИЦИЯ ДОВЕРИЯ

Ключевые слова: политическое доверие, вера, коммуникация, пресуппозиция

Пресуппозицию принято рассматривать как одну из форм искажения информации в языке, когда ради понимания и восприятия дискурса другой человек вынужден принимать некое допущение за истинное. Настоящая статья посвящена феномену политического доверия. Проведя аналогию с пресуппозицией в языке, я постараюсь осмыслить концепт доверия в политическом пространстве, попытавшись проанализировать данный феномен исходя из его бытийности.

Доверие и порядочность

Доверие подразумевает некоторое число взаимосвязанных субъектов. Но возможно ли, чтобы элементом доверия было неодушевленное лицо? Энтони Гидденс считает, что доверие представляет собой своего рода эмоциональный кредит, основанный на погружении в веру. Он выделяет два типа доверия: базисное и к абстрактным системам. Значит, наличие второго субъекта не обязательно для доверия. Политическое доверие (например, к партии) может раскрывать себя через некие безличные обязательства, принимаемые индивидами, которые, как правило, хотя и опираются на знания, не разбираются в соответствующем явлении¹. Следовательно, доверие предполагает определенное знание, не обязательно отражающее действительную суть явления, но достаточное, чтобы формировать некое чувство и убеждение.

¹ Гидденс 2011: 217.

Говоря о доверии к людям, Гидденс ставит вопрос о порядочности, которая проявляется в выполнении взятых на себя обязательств. Но необходимо ли на самом деле выполнение обязательств? Видимо, нет. Если при обращении к абстрактным системам мы начинаем испытывать доверие без какого-либо разумного основания, то почему в отношении политика должно быть верно обратное? Для доверия к политике порядочность не обязательна, скорее нужна убежденность самого человека в порядочности политика. Степень личного знакомства не имеет никакого значения. Некий политик А, находящийся в дружеских отношениях с гражданином В, который просит помочь ему, не хочет совершать действие С из-за последствий D, сообщая В недостоверные сведения о независимых от него препятствиях, снимающие с него ответственность за отказ от помощи и укрепляющие его имидж в глазах друга. Чем меньше степень близости, тем легче ввести в заблуждение. Противоречит ли это расхожему мнению, что человек не склонен доверять неизвестному? Отнюдь нет, ведь знакомое нельзя считать неизвестным.

Регулярное столкновение в СМИ с информацией о деятельности политика нейтрализует ощущение тревоги, обеспечивая людей знанием, на основе которого они могут добросовестно заблуждаться.

Исходя из этого можно заключить, что доверие — это явление, которое выходит за рамки одушевленности. Не нуждающаяся в доказательствах имманентная «скоропостижность» приобретения человеком знания применительно к абстрактным системам помогает нам лучше понять человеческие связи, базирующиеся на сходных принципах, напроочь устраняющих порядочность как необходимое условие доверия.

Доверие и ничто

Современное общество не отрицает влияния внутреннего мира человека на его поведение. Как гласит известная теорема Уильяма Айзекса Томаса, «ситуации, определяемые людьми как реальные, реальны по своим последствиям»². Поэтому утверждение, что доверие есть политическая реальность, вряд ли кого-то смутит. Но если имеется бытие, то должно быть и его отрицание — ничто. Возможность политического доверия раскрывает себя через отсутствие такового, а его осмысление — через различие. Если индивиду необходимо доверие, то необходимо и его отсутствие, доходящее в своей крайности до полного отрицания. Не является ли нашим врагом тот, кому мы никогда не станем доверять? Ненависть может родиться из-за утраты доверия, но верно и обратное. Ссылаясь на присущее человеку влечение к (само)агрессии, Зигмунд Фрейд уверял Альберта Эйнштейна, что войны никогда не прекратятся, человечество не может вести себя иначе³. Означает ли это, что источником политического недоверия может выступать как ненависть, так и «драма избирателя», когда его собственное недоверие к своим силам проецируется на политика из противоположного лагеря, усиливаясь нуждающейся в выходе агрессией? Данное психологическое основание заставляет нас рассматривать сферу политики как вечный конфликт. В этой перспективе привычная дефиниция политики как борьбы за власть может быть в равной степени заменена двумя другими, трактующими ее как борьбу агрессий либо как борьбу за доверие.

Осознание этого должно навсегда избавить нас от иллюзий относительно общества вечного блага. Пока есть малейшее основание для ненависти, оно не наступит. И чем больше будет таких оснований, тем менее здоровым будет общество, тем сильнее в нем будет выражен компонент недоверия к институтам. Я говорю о симптоме. Низкое доверие к институтам свидетельствует о высокой степени дисгармонии в обществе, о потенциально взрывоопасной ситуации. При этом компенсация такого недоверия доверием к какому-то одному институту больше похожа на шизофрению, чем на рациональный выбор.

Возможно ли ничто без наличия бытия? Если есть только первое, то чем оно отличается от второго? Различение всегда имеет обратную силу. Ничто обязывает бытие раскрывать себя. Осмысливая указанную проблему, Жан-Поль Сартр писал: «Чтобы избежать страха, придающего мне

² *Цит. по: Хаустов 2014: 38.*

³ *Фрейд 2008a: 285.*

⁴ Сартр 2000: 68.

строго определенное трансцендентное будущее, я скрываюсь в рефлексии, но последняя мне дает только неопределенное будущее»⁴. Неопределенность порождает тревогу. Для того чтобы спрятаться от того и другого, нужно что-то надежное и постоянное. Причем простота постоянного скорее плюс, чем минус: аналогии и стереотипы, усваиваемые при снижении критического мышления, позволяют находить надежное.

Именно в этом я вижу истоки политического доверия. Человек склонен оказывать его, чтобы не пребывать перманентно в состоянии тревожного напряжения. Поэтому люди склонны находить среди институтов государства хоть какие-то, к которым можно испытывать доверие. И в этом смысле институт, гиперкомпенсированный доверием на фоне множества утеравших таковое, фактически является основой выживания человека. При этом очевидно, что такому институту выгодно сохранение ситуации витающей в воздухе тревоги. Сея ее, институт, способный производить впечатление достойного доверия, укрепляет свою силу и власть, создает иллюзию, что именно на нем *de facto* и держится государство, содействует появлению мифа о Герое и Спасителе. Если данный институт выступает в виде человека, тот приобретает имидж Героя (Спасителя), утрата которого страшит его сограждан. При этом благодаря технике ассоциативного переноса отношение к Герою может быть распространено и на институты, не пользующиеся доверием в обществе. И хотя подобная тактика не может использоваться бесконечно, так как не оправдывающие ожиданий институты способны подорвать доверие к самому Герою, в избирательной кампании она вполне оправдана.

Реальность доверия

⁵ Витгенштейн
1991: 67.

В своей работе «О достоверности» Людвиг Витгенштейн ставит вопрос о действительности знания, которым мы обладаем. Различение понятий «знать» и «быть уверенным» в принципе не имеет сколько-нибудь серьезного значения, не говоря уже о тех случаях, где «я знаю» подразумевает «я не могу ошибаться»⁵. Именно так обстоит дело в общественной (политической) сфере. Люди должны быть максимально уверены в своем лидере, поддерживать его программу и деятельность. Они должны знать, что поступают верно. Это особенно важно в переломные моменты истории. Точки бифуркации зачастую наполнены насилием и кровью. Воевать по идеологическим мотивам можно только будучи уверенным в своей правоте. Поэтому знание приобретает критическое значение для политической повестки дня.

По мнению Витгенштейна, заявление о знании подразумевает утверждение некоей фактичности. Поэтому он старается избегать слова «знаю», используя вместо него «я уверен», «я думаю, что знаю», «я верю». Если мы разделяем точку зрения Витгенштейна, перед нами встают два вопроса: (1) насколько мы уверены в знании, на основе которого инвестируем доверие в политического лидера? (2) насколько мы уверены, что испытываем доверие?

Откуда мы получаем знания о надежности политика? Применительно к человеку, сторонящемуся общественной жизни, ответ очевиден. У такого человека не может быть представления о достоинствах того или иного политика. Делая выбор, он исходит из внешней привлекательности кандидатов, собственного впечатления, существующих стереотипов относительно того, какому типу политиков можно доверять, корректируя свою позицию в соответствии с мнением окружения. Его знание трудно назвать научным. Его выбор может быть рациональным в рамках веры в то, что человек с лицом, которое ему кажется честным, или пользующийся поддержкой окружающих достоин доверия, но не более того.

С людьми, которые следят за политической жизнью страны, дело, на первый взгляд, обстоит сложнее, но это обманчивое впечатление. Люди получают информацию о происходящих в обществе процессах из СМИ, которые имеют свою редакторскую повестку. В тоталитарных обществах, где отсутствуют свободные СМИ, подобные процессы обычно представляются единообразно, но насколько рисуемой картине можно верить? Как можно «знать», когда любая новость цензурируется? В авторитарных и демократических обществах возможна некая разноголосица, но разве редки случаи, когда критически настроенное по отношению к политику СМИ подает поступающую о нем информацию в негативном ключе, а симпатизирующее воспроизводит его точку зрения без изменений либо сопровождает положительными комментариями? Даже ориентация на высокопрофессиональный подход не гарантирует подачи материала в максимально объективной (минимально субъективной) форме.

Для того чтобы иметь основания не бояться ошибиться в рассуждении о каком-то событии, нужно быть его очевидцем. Но сколько из нас являются очевидцами тех событий, о которых говорят по телевизору или пишут в газетах? Часто мы опираемся на мнения политических экспертов, которые отличаются от нас только степенью убежденности в обладании знанием и знакомством с очевидцами (или знакомыми таковыми). Согласно теории «семи рукопожатий», можно найти очевидца любого события, но где гарантия, что он сообщит вам правдивые сведения? Если затронуты его личные интересы, то неужели он поставит их под удар? Разве ему не нужно кормить себя и свою семью?

Практически всю информацию мы получаем от людей. В политическом пространстве всегда фигурирует несколько версий происходящего, потому что всегда есть люди с разными интересами. Виктор Гюго считал, что у человека три характера: тот, который ему приписывают, тот, который он сам себе приписывает, и, наконец, тот, который имеется в действительности. То же самое можно сказать и о самом наиправдивейшем из очевидцев, который в своей интерпретации произошедшего сталкивается с чужим внутренним миром или неизвестной реальностью. Даже если вы сами были очевидцем или участником тех или иных событий, насколько ваше знание автономно? Разве значительный его компонент

не базируется на мнениях, оценках, предположениях и выводах других людей? Даже в межличностных отношениях, где есть только вы и ваш партнер, нет гарантии истинного знания. Разве не случалось, что ваша интерпретация поведения близкого человека полностью расходилась с тем, что было на самом деле? Всегда ли ваши взгляды на какое-то событие или на некие привычки и черты характера совпадали? Так ли каждый из вас неправ, как кажется другому?

При таких обстоятельствах странно считать, что в социальных отношениях вы можете обладать каким-то надежным знанием. В политическом пространстве концепт знания неприменим; можно говорить лишь об уверенности либо о вере. Вы можете верить сообщениям СМИ о каком-то политике или быть уверены, что чувствуете или хотите чувствовать доверие к некоему политическому лидеру.

Может ли человек знать, что чувствует доверие? Как вы опишете чувство доверия? Многие из тех, кто населяет землю, вообще не смогут этого сделать — хотя бы потому, что никогда об этом не задумывались. Другие станут говорить о том, что испытывают расположение к политике, им нравится то, что он говорит, они уверены в нем, он кажется им надежным, он им в чем-то помог или они слышали, как он убедительно выступал по какой-то проблеме. А в ряде случаев речь просто идет о сексуальной привлекательности... Допустим, что политик N способствовал победе нации в войне (праведной?) или победил терроризм (все ли террористы считают себя таковыми?), что при нем люди стали жить лучше (это точно его заслуга?). Все подобного рода оценки основаны на эмоциональном восприятии, полученном от других людей знания и рассуждениях, которые могут содержать логические ошибки или философски спорные постулаты. Более того, представленный комплекс информации может вызывать у разных людей разную реакцию, и у политика будут как последователи, так и противники. Не кроется ли причина того, что доверие так сложно описать, в том, что каждый понимает под ним что хочет и ничего конкретного? Не разумно ли признать, что это неподходящий и сбивающий с толку термин? В конце концов, нет ли более удачного наименования для соответствующего явления? Доверие может быть основано на знании и вере, однако, как мы уже выяснили, «знать» в буквальном смысле этого слова невозможно. Но раз так, зачем вводить себя и других в заблуждение? В этом плане выражение «*credo quia absurdum est*» применительно к так называемым знаниям выглядит более чем справедливым.

Поэтому мне кажется более правильным раскрывать суть доверия через веру и вообще использовать данный концепт вместо концепта «доверие». «Доверие» — это термин для тех, кто не хочет признавать, что их знание основано на вере. Это попытка облагородить свое мировоззрение и возвысить себя в собственных глазах. Но мыслящий человек не нуждается в подобной интеллектуальной мастурбации.

Сходную ситуацию мы наблюдаем и в случае желания доверять конкретному политику. Чем вызвано такое желание? Может ли

оно быть рациональным? Когда мы говорим, что для нас важно принимать решение на основе информации, то, как мы установили, говорим о вере. Но если главное не информация, то что? По-видимому, дело заключается в том, что политик вызывает сексуальную симпатию либо опирается на некие бессознательные элементы, представленные в нашей психике. Так или иначе, выражение «желать доверять» вызывает ощущение какой-то нечестности. Более обоснованным и уместным в политическом пространстве, на мой взгляд, является выражение «я хочу верить в этого политика».

Доверие как ожидание

Когда речь заходит о доверии, предполагается, что мы даем другому «нечто», но разве при этом мы не надеемся, что наши ожидания не будут обмануты? В своей работе «Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию» Фрэнсис Фукуяма определяет доверие как возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно, с вниманием к нуждам окружающих и в согласии с некими общими нормами⁶. Ожидать подобного поведения от окружающих можно лишь исходя из определенного представления о природе человека либо при наличии санкций за девиантное поведение. Рассмотрим обе ситуации подробнее.

⁶ Фукуяма 2004: 52.

Человек может быть добр от природы или благодаря воспитанию. В первом случае мы говорим о генетической предрасположенности. В генетике более 25 исследовательских направлений, но ни одному из них не удалось раскрыть секрет идеального человека. Что касается психической жизни и поведенческих аспектов, то здесь генетика способна что-то объяснить, но только *post factum*. Гораздо хуже обстоит дело с предсказанием. Отсутствие возможности надежно предсказывать свидетельствует о недостаточной объяснительной силе. По сути, современная генетика лишь указывает на наличие некоего потенциала, который реализуется с определенной вероятностью. На степень проявления признака влияют условия, в которых находится организм.

В индивидуальном развитии приоритет отдается либо личному, либо общественному фактору. Так, Фрейд рассуждает о переносе: «Тот, чья потребность в любви не удовлетворяется без остатка реальностью, вынужден обращаться со своими либидинозными ожиданиями-представлениями на каждого вновь появляющегося человека»⁷. Доверие раскрывает себя через перенос ожиданий и представлений со значимых фигур прошлого в настоящее. Потеря доверия также связана с механизмом проекции, который был осмыслен при изучении феномена паранойи. Примером теории, объясняющей выход доверия за пределы семьи, является концепция Тошио Ямагиши, Карен Кук и Мотоки Ватабе, которые связывают доверие с развитием процедур обмена⁸. Правило «взаимного обмена» подробно обсуждено в книге Роберта Чалдини «Психология влияния»⁹. Социум причащает людей к соблюдению этого правила посредством использования санкций к его нарушителям.

⁷ Фрейд 2008б: 160.

⁸ Yamagishi, Cook, Watabe 1998.

⁹ Чалдини 2000.

Сходным образом обстоит дело и при инвестировании доверия. Мы не только надеемся, что человек оправдает наше доверие, но и верим, что, если этого не произойдет, его так или иначе постигнет наказание. Политическое доверие работает точно так же. Люди убеждены, что серьезной санкцией для политика может стать признание его лгуном. Вера в силу данной санкции настолько сильна, что редко кто проверяет подлинный результат политической деятельности и, тем более, детально помнит, что политики обещали ранее. Ирония заключается в том, что это открывает перед политиками неограниченные возможности для манипулирования общественным мнением.

Если мы детальнее рассмотрим систему ожидания, то увидим ее иррациональный, противоречивый характер. Перенос Фрейда искажает реальность, заставляя верить, что люди наделены определенными признаками. Дрисколл и Чалдини предлагают верить в то, что польза от конкретных отношений окажется важным благом. Общество состоит из индивидов, и взаимоотношения с каждым из них в отдельности имеют для политика весьма ограниченную ценность. Таким образом, мы в очередной раз обнаруживаем недостаточность разумных оснований для употребления концепта доверия как отличного от веры. Ожидание от политика определенного поведения основано на вере, и поддаваться иллюзиям о наличии тут какой бы то ни было фактичности — опасное заблуждение.

Доверие как уверенность

Мы уже неоднократно сталкивались с тем, что концепт «уверенность» используется как равнозначный концепту «доверие», хотя некоторые исследователи подчеркивают их различие. Так, Адам Селигмен считает, что, в отличие от доверия, уверенность есть результат взаимоподкрепляемых ожиданий. Для него доверие — продукт неопределенности, тогда как уверенность основана на знании и прошлом опыте¹⁰. Никлас Луман полостью отделяет уверенность от доверия, но делает это через объект. По его мнению, концепт «доверие» больше подходит для общественных отношений, в то время как «уверенность» касается абстрактных систем¹¹.

¹⁰ Селигмен 2002.

¹¹ Luhmann 1979.

Если мы проанализируем взгляды упомянутых авторов, то поймем, что уверенность не так далека от доверия, как кажется. Складывается впечатление, что и тот и другой осмысляют доверие только с одной стороны, упуская суть явления. Для Селигмена уверенность отличается от доверия, по сути, лишь надежностью. Но поскольку мы изучили этот вопрос ранее, то понимаем, что в обоих случаях речь идет о вероятности и вере. Даже многократный личный опыт общения с конкретным человеком не свидетельствует о том, что всегда и во всех обстоятельствах результат будет один и тот же. Мы можем говорить о высокой вероятности некоего действия или события, но знать наверняка мы не в состоянии. Разделение, предлагаемое Луманом, еще менее значимо. Он ввел различие там, где его не стал вводить Гидденс. Мы опять имеем

дело с надежностью наших ожиданий применительно к разным объектам. Но принципиально соответствующие чувства ничем не различаются. Более разумно было бы говорить о степенях веры.

¹² *Diamond 1999.*

¹³ *Przeworski, Alvarez, Cheibub, Limongi 1996.*

Согласно институциональным теориям, доверие есть следствие эффективности политических институтов. По мнению Ларри Даймонда, доверие порождает институты, успешно борющиеся с коррупцией и ограничением личных и общедемократических прав и свобод¹². В свою очередь, Адам Пшеворский, Михаэль Альварес, Хуан Антонио Чейбуб и Фернандо Лимонджи связывают доверие с успешной экономической политикой¹³. Однако здесь возникает вопрос о том, что понимать под эффективностью.

Известно несколько принципиально разных подходов к исследованию данного феномена. Так, Transparency International изучает коррупцию через мнение о ней граждан. Сходная методика используется и при изучении степени свободы и соблюдения прав человека. Но какие бы индексы мы не вводили, сам объект исследования исключает возможность объективности. Кто решает, какая степень свободы должна быть в обществе? Кто определяет, сколько должно быть прав у человека? Наверное, все права? А все — это какие? Все ли люди в тоталитарных обществах ощущали себя бесправными, или кто-то считал, что обладает таким объемом свободы, какой ему нужен? И не составляли ли последние большинство? Не потому ли режим выживал, что поддерживал впечатление, будто их большинство?

¹⁴ *Травин 2016: 40.*

Еще сложнее обстоит дело с экономической эффективностью. Конечно, вы можете понять, что в этом году заработали денег больше, чем в прошлом, да и вообще экономическая ситуация в стране выгодно отличается от той, что была пять лет назад. Но как это связано с конкретным политическим лидером? Никто не отрицает, что при Владимире Путине люди стали жить лучше, чем при Борисе Ельцине. Однако причины этого вызывают дискуссии. Например, Дмитрий Травин полагает, что Путин лишь воспользовался результатами реформ 1990-х годов и высокими ценами на нефть, причем даже не сумел полностью реализовать оказавшийся в его распоряжении экономический потенциал¹⁴. Вы действительно можете сделать объективный вывод о повышении (понижении) своего личного благосостояния по сравнению с прошлым, но вы не можете знать, кого из политиков за это благодарить (ругать). Поэтому, если гражданин по тем или иным причинам не хочет связывать свое благосостояние с конкретным политиком, он обобщает, исходя из правдоподобного, по справедливому замечанию Григория Голосова, допущения, что именно действующее правительство несет ответственность за состояние народного хозяйства¹⁵. Но не будем забывать, что правдоподобие и правда — это разные вещи. Не исключено, что для описания житейских представлений и выводов о политических процессах было бы разумно использовать термин «имплицитная политология». Ведь такие представления и выводы основываются на убеждениях, стереотипах, отборе только той информации, которую гражданин желает

¹⁵ *Голосов 2001: 240.*

получать, и, как следствие, на вере в подкрепляемое этой информацией положение вещей.

Завершая обсуждение данного аспекта проблемы, стоит коснуться и вопроса о приобретении уверенности. Еще в 1983 г. Абрахам Тессер, Дженнифер Кэмпбелл и Сьюзан Миклер обратили внимание на то, что, когда мы не уверены в себе, когда ситуация кажется нам неясной и двусмысленной, когда «правит бал неопределенность», мы склонны оглядываться на других и ориентироваться на их действия¹⁶. Феномен плюралистического невежества говорит о том, что люди стремятся получить от других подсказку относительно того, как реагировать на то или иное событие. Представьте ситуацию, когда некое правительство совершает сомнительное действие, но ни у кого нет очевидного для всех знания, позволяющего уличить его. В этих условиях люди смотрят друг на друга в поисках подсказки и, поскольку ничего не происходит, начинают думать, что все идет должным образом, по сути убеждая друг друга, что все хорошо. Если СМИ занимают схожую позицию или поддерживают действия правительства, оснований для тревоги у людей оказывается еще меньше. Да, конечно, и в такой ситуации могут найтись люди, способные артикулировать альтернативную точку зрения, но их, естественно, будет меньшинство. Соответственно, их позиция не поколеблет установок молчаливого большинства; более того, малочисленный протест может подкрепить убежденность этого большинства в правильности избранного правительством курса. Поэтому так важно контролировать СМИ. Когда люди чувствуют, что их альтернативное мнение поддерживают многие, они обретают уверенность в своей правоте. Эта уверенность способна перерасти в убеждение — а за убежденные люди готовы умирать.

Феномен плюралистического невежества отчетливо демонстрирует, что мы не обладаем законченным и полным знанием и нуждаемся в других людях для формирования своей позиции. Это говорит не только о нашей слабости, но и о том, что концепт «уверенность» неадекватен и должен уступить место концепту «вера». Мы видим, что у человека нет ресурсов для установления истины — этот факт необходимо признать и руководствоваться им в политической жизни.

Доверие и коммуникация

Доверие предполагает наличие Другого, предполагает отношение к нему и циркуляцию информации. Как протекает это процесс?

Другой является величайшей загадкой, которую мы разгадываем всю свою жизнь. Некоторые полагают, что хорошо познали других людей и понимают их даже лучше, чем они сами. Однако это иллюзия. Другой всегда остается другим — со своими мыслями, переживаниями и чувствами, мировоззрением, историей, талантом, способностью к эмпатии и т.д. Наивно полагать, что знаешь другого человека, особенно если речь идет о политике. Доверие к Другому устанавливается в процессе коммуникации.

Как часто политики говорят нам правду? Эдмунд Гуссерль был убежден, что подлинное желание сказать есть желание сказать правду и истиной является дискурс, похожий на реальность¹⁷. Для нас это означает, что информационное пространство есть область правдоподобного. Но даже тут мы сталкиваемся с естественными барьерами. Расхождение между обозначающим (формой знака), обозначаемым (значением) и обозначиваемым (вещью) имманентно коммуникации. Отправленное и принятое послания могут оказаться совершенно различными. По мнению Жака Лакана, проблема состоит в сопряжении символического, воображаемого и реального¹⁸. Проще говоря, в сфере физического мы как живые существа функционируем в реальном пространстве и благодаря этому (в том числе) имеем гарантию сохранения тождественной структуры отправленного сообщения. Но при получении сообщений мы попадаем в сферу символического и воображаемого. Правдоподобное заменяет реальное, и доверие оказывается продуктом воображаемого.

¹⁷ См. Кристева 2013: 130.

¹⁸ Лакан 2009: 100.

¹⁹ Кристева 2013: 285.

В своей работе «Семиотика: Исследования по семанализу» Юлия Кристева осмысляет семантическое и синтаксическое правдоподобие¹⁹. Семантическое правдоподобие проявляет себя через процесс узнавания, опираясь на опыт человека. Синтаксическое правдоподобие действует посредством риторической силы текста. В политической пропаганде представлены оба механизма. Они формируют у человека чувство реальности. Согласно Лакану, важную роль играет историческая последовательность: если новая информация согласуется с дискурсивным опытом субъекта, возникает чувство реальности, подтверждающее правдоподобное и кристаллизующее убеждения²⁰.

²⁰ Лакан 2014: 149.

Попадая в сферу правдоподобного, мы не можем говорить о фактичности. И на уровне личных отношений, и на уровне массовой коммуникации между субъектами пролегал пропасть. Будучи отдельными индивидами, мы не можем полностью познать других людей, а, как было показано выше, подтверждение ожиданий порождает лишь веру. При попытке осмыслить коммуникацию она кажется невозможной. Передача истины сводится к передаче правдоподобного, а его интерпретация приводит к отторжению информации или встраиванию ее в существующую индивидуальную историю. Видимо, поэтому столь важна политическая мифология. Политические лидеры стараются предложить гражданам правдоподобную историю своего развития, опереться на некую мировоззренческую традицию. Так они становятся субъективно понятными и получают признание. Они оказываются вписанными в чувство реальности человека, которое является лишь фикцией разума. Чувство реальности в информационном пространстве основано на получении согласованных посланий. А это означает, что политическая цензура управляет безумием человека. Именно так нации сходят с ума.

**Доверие
и сущность**

Под сущностью в конечном счете всегда понимается набор характеристик, позволяющий устанавливать различие. Еще со времен Аристотеля принято разделять индивидуальные и общие сущности. Если первые указывают на черты, присущие данному объекту, то вторые — на черты, распространенные среди множества. В этом смысле к индивидуальной сущности человека можно отнести лицо, почерк, отпечатки пальцев, генетический материал, «харизму», индивидуальные проявления таланта. К общим характеристикам относится способность испытывать чувства и эмоции, демонстрировать различные типы поведения, болеть физически и психически. Рассматривая доверие через эту призму, мы подходим «к проблеме экзистенциальных (онтологических) предпосылок и допущений системы описания, поскольку любое приписывание предикатов (общих сущностей) оказывается связанным с предположением о существовании объектов — носителей соответствующих свойств»²¹.

²¹ Тульчинский
2000: 38.

Ни у человечества, ни у человека нет некоей черты, которая могла бы вселить доверие при соприкосновении с ней по принципу $S \rightarrow R$. Высокая степень свободы от инстинктивной жизни перекладывает ответственность за доверие на «переживающего». Он должен сам выбрать для себя ту общую либо индивидуальную сущность или некий их комплекс, на основании которых он осознанно или бессознательно придет к решению о возможности доверия и его переживанию. Бертран Рассел полагал, что единственным надежным источником такого решения является «знание по знакомству», то есть получаемое при личном соприкосновении²². Однако и подобное знание трудно назвать надежным, ибо образы способны лишь передавать информацию, тогда как при ее интерпретации используется вторая сигнальная система. Иначе говоря, при личном соприкосновении мы можем установить только факт действия, но не можем установить его причину, равно как и мотивацию, подлинные переживания, да и человеческие качества того, кто его совершает.

²² Russell 1997.

Получается, что мы видим не дальше своего носа и постоянно вводим онтологические допущения, которые позволяют нам доверять людям, создавая комбинации из надежды и мнения. Способность доверять реципрокно связана с переживанием одиночества и способностью устанавливать близость, что порождает потребность испытывать доверие. Поэтому мы ожидаем от людей подтверждения наших гипотез, и к эпистемической установке добавляется: «Сделай так, чтобы я знал, что...» Это конструкт, относящийся к нашей юрисдикции. В конечном итоге мы сами создаем свое доверие, которое есть не что иное, как онтологическое (экзистенциальное) допущение, а значит — вера. В этом плане разницы между ученым, проводящим эксперимент, и матерью, ставящей в храме свечку за здоровье сына, нет. Они исходят из онтологического импульса: «Да будет так!». Без подобной посылки невозможны ни управление, ни наука, ни искусство, ни дружба, ни любовь.

**Доверие, религия
и фанатизм**

Признав, что доверие есть облагороженная рациональными и/или иррациональными интенциями субъекта вера, мы неизбежно встаем перед вопросом о соотношении этого феномена с религией и фанатизмом. Рассуждая о религиозных воззрениях, Мартин Бубер писал о двух формах (или типах) веры: «Одна форма веры выражается в том, что я доверяю кому-либо, пусть даже у меня нет достаточного основания доверять этому человеку. Другая форма веры обнаруживается в том, что я, тоже без достаточного основания, признаю истинность чего-либо»²³. Как мы видим, различие отсылает нас к объекту веры. Вместе с тем в приведенном определении заключена некоторая инверсия, на которую стоит обратить внимание. Если применительно к людям с секулярной психологией концепт «доверие» выглядит несколько более оправданным, чем «вера», то для людей, имеющих духовный опыт, характерно прямо противоположное. Вера возможна только в силу того, что в нее вовлекается все бытие. К духовному опыту приводит утрата себя и любых разумных оснований в вере, что является логическим следствием столь масштабного погружения психики в одну форму бытия. Поэтому «вера» как основополагающий концепт раскрывается здесь через мирскую терминологию.

²³ Бубер 1995: 234.

Я склонен полагать, что концепт веры подменяет концепт Бога. Кто знает, насколько Бог субъектен? Это действительно дедушка с бородой? Или он субъектен потому, что он не вещь? Познаваем ли Бог? Не приложима ли к нему корпускулярно-волновая теория? Если для кого-то из верующих Бог обладает субъектностью, концепт веры маловероятен. Но разве мы не знаем, что верить нужно правильно²⁴? Вера имеет собственную веру. Поэтому безусловность веры — это не только отношения, но и потеря субъектности. Так или иначе, религия познаваема лишь как абстрактная система.

²⁴ Существует даже теория, согласно которой верующий человек должен потерять себя.

Фанатизм является продуктом духовной веры. Впервые этот термин встречается в описании жрецов Малой Азии. Этимологически он восходит к латинскому *fanum* (святилище). Постепенно, однако, содержание данного термина изменилось, и им стали обозначать не столько жрецов — предсказателей будущего, сколько людей, готовых убивать тех, кто мыслит иначе. Именно так трактовал фанатизм Вольтер в своем «Философском словаре», где главным отличием фанатика от энтузиаста, живущего в мире своего воображения, объявляется именно склонность к убийству²⁵. В современном мире понятие «фанатик» часто связывается ассоциативно с понятием «террорист», а то, в свою очередь, с понятием «религиозный фундаменталист». Наталья Инина объединяет понятия суеверия, предрассудка и фанатизма на основе понятия веры²⁶. Фанатик предстает перед нами как человек, поглощенный своей идеей. Почти всегда в основе его веры не другой человек, а абстрактная система.

²⁵ Voltaire: 1764.

²⁶ Инина 2014: 89—102.

У религии и фанатизма много сходных черт. Фанатизм не просто вышел из религии. В своем нынешнем виде он сформировался благодаря ей. Современный фанатик не делает ничего принципиально

отличного от того, что делал фанатик религиозный в Средние века. Для религии и фанатизма характерна опора на абстрактные системы, в которых субъектность служит лишь подспорьем. При крайней выраженности такой установки ее носители пытаются идентифицироваться с абстрактной системой, приобрести качества, присущие скорее герою мифа, чем живому человеку (который в их глазах априори ненадежен и слаб). И надо признать, что порой им удается добиться поразительных результатов в плане духовной крепости — или закрепощения. Но главное, что я хотел бы здесь подчеркнуть, — это принципиальное сходство и единый источник указанных феноменов, корящийся в вере.

Миф о доверии

²⁷ Барт 2014: 265.

²⁸ Лосев 2014: 115.

Подобно Ролану Барту я считаю, что, поскольку миф — это слово, мифом может быть все, что покрывается дискурсом²⁷. Речь идет о потенциале. Разве доверие не высказывается в чувстве, во внутреннем действии? Разве не можем мы сказать, что доверяем кому-то или что некто утратил наше доверие? Доверие — это дискурс, обращенный к Другому и о Другом. Согласно Алексею Лосеву, миф есть личностное бытие или, точнее, образ личностного бытия, личностная форма, лик личности²⁸. Доверие политическому деятелю — это некая личностная история, механизм оправдания, создание и признание некоего образа (увы, не требующие доказательств, которые могли бы быть приняты во внимание судом).

Как мы выяснили выше, люди не нуждаются в надежном знании, чтобы испытывать или утратить доверие. Знание, на котором основывается доверие, практически всегда есть следствие действий Другого, зачастую даже не являющегося тем Другим, который способен обладать подлинным знанием о происходящем. Знание преломляется через чужие интересы и ограничения информационных и познавательных ресурсов, в том числе относящихся к сфере бессознательного. Человек живет в политическом пространстве, где знание о Другом абсурдно. В отличие от физики, проверить достоверность политической информации практически невозможно. Нужно понимать, что доверие — это не просто информация, но интерпретация таковой. Это субъектная сфера, имманентно исключаящая фактичность.

Но человек не может жить без фактичности. Само выживание в физическом мире требует от нас принятия решения. Биология заставляет нас выбирать. Непринятие решения равносильно смерти. Однако для принятия решения нужен определенный образ бытия, миф о нем. Естественно, правдоподобный, естественно, соприкасающийся с физическим миром, но тем не менее лишь миф. Человеку приходится принимать миф за знание, такова вековая традиция, иное вызывает тревогу. Потеря системы ориентации лишает человека защищенности. Он вынужден искать в политическом пространстве некую основу и инвестировать доверие. В конце концов, сама невозможность для большинства граждан ежедневно заниматься политикой и быть в курсе всех событий вынуждает доверять.

Понятно, что с научной точки зрения такое положение вещей включает трактовку политического доверия как чего-то отличного от веры. Любое доверие к политику или абстрактной системе формируется благодаря внутренне согласованному образу реальности, чувству реального, управляемому информационными потоками. Поэтому вера начинает ощущаться как нечто обоснованное. Так, в иллюзорной фактичности, рождается категория доверия.

Вера и научное знание

Итак, в случае политического доверия, как и в случаях религии и фанатизма, мы имеем дело с феноменом веры. Но вера не однородна ни по своему содержанию, ни по научной обоснованности. И здесь уместно задаться вопросом: насколько близка к вере политическая наука? Тем, кто считает, что для политической науки категория веры чужда, предлагаю познакомиться с замечательной статьей Ильи Локшина, посвященной методологии политических исследований²⁹.

²⁹ Локшин 2015.

Мой взгляд на поставленную проблему заключается в следующем. В силу того что мы живем в физическом мире, у нас есть некая фактичность. В информационном пространстве не может быть доверия, но может быть та или иная степень обоснованности веры, определенного взгляда на событие или явление. Так, говоря об опасности некоей группы, мы можем сослаться на прецеденты поведения ее членов, сравнивать их склонность к насилию с той, что демонстрируют приверженцы других идеологий, выявлять корреляции, анализировать восприятие представителей этой группы другими группами граждан и т.д. При этом мы должны отдавать себе отчет, что могли неправильно провести исследование, неверно интерпретировать полученные данные и, наконец, бессознательно фальсифицировать результаты либо использовать актуальную, но на самом деле ошибочную научную парадигму. Но вместе с тем существует реальность, которая способна придать хоть какую-то обоснованность нашим выводам. Отсюда, на мой взгляд, вытекает возможность классифицировать веру исходя из степени ее научной обоснованности.

На низшей ступени обоснованности находится «примитивная вера». К ней мы можем отнести суеверия, стереотипы, секулярный фанатизм, а также различного рода религиозные верования, признаются они религией или нет. Последнее объясняется необходимостью выхода за пределы западноевропейской цивилизации. Верования какого-нибудь первобытного племени в Океании, несомненно, обладают всеми признаками религии, как бы ни квалифицировало их мировое сообщество. Формальный статус не должен быть преградой для научной оценки феномена, скорее наделение таким статусом должно следовать за ней. У всех религий есть общая черта — это поглощенность верой, стремление жить в соответствии с нею, вне зависимости от научной обоснованности ее составляющих. Секулярный фанатизм идеологически не отрицает науку, но как бы проходит мимо нее. Поддержка фанатом футбольного клуба своей команды не может базироваться на научных

данных. Что же касается таких случаев, как, скажем, обоснование превосходства некоей расы или этноса, то здесь наука ставится на службу фанатикам, ее выводы фальсифицируются и искажаются в рамках пропагандируемой картины мира.

На следующей ступени располагается «доверие». В отличие от религии и секулярного фанатизма, идеологически отрицающих или игнорирующих науку, доверие пытается опереться хоть на какую-то фактичность — опыт взаимодействия, свидетельство других, мнение авторитета и т.п. Всему этому есть аналоги и в методологии современной науки — наблюдение, индукция, использование результатов и выводов других исследователей. Подобная установка закладывает основы для разумного поведения при принятии решения о доверии, но нужно понимать, что мы по-прежнему остаемся в сфере воображаемого.

Наивысшей степенью обоснованности обладает «знание», которое строится на личном опыте и данных науки. Почему же я отношу к области веры то, что признает наука, не идет ли в этом случае речь о полностью объективном знании? К сожалению, нет. Наука находится в постоянном развитии. Проиллюстрирую свою мысль на примере небесного тела Плутон. Первоначально ученые не знали о его существовании, потом стали догадываться. В 1930 г. он был обнаружен и получил статус планеты Солнечной системы. Но с появлением более мощных телескопов выяснилось, что за Нептуном находится большое количество сходных с Плутоном объектов (так называемый пояс Койпера), среди которых имеются сопоставимые с ним по размеру и даже превосходящие его по массе (Эрида). В итоге в 2006 г. на XXVI ассамблее Международного астрономического союза в понятие «планета» были внесены уточнения. К числу обязательных свойств планеты была отнесена способность силой гравитации расчищать окрестности своей орбиты от других объектов. Поскольку Плутон (как и найденные вблизи него небесные тела) таким свойством не обладает, он был исключен из состава планет Солнечной системы. На знание о Плуtone повлияли технологические разработки, использование их на практике, желание исследовать определенную тему, активная дискуссия в среде астрономов и изменение определения планеты. История с Плутоном (которая, возможно, получит свое продолжение) наглядно демонстрирует как высокий уровень достоверности знания, опирающегося на научные данные, так и то, что знание сегодняшнего дня недопустимо считать истиной в последней инстанции.

Я убежден, что признание факта опоры на веру в политике необходимо. Необходимо потому, что как научное, так и имплицитное политическое знание действительно не идет дальше веры и убеждений отдельных ученых и групп влияния в науке. Для объяснения любого явления можно найти несколько правдоподобных теорий, и это не означает, что какая-то из них полностью адекватна, а другие — полностью ошибочны. Они могут быть одновременно истинными и ложными, о чем писал в своей работе Локшин. Ничто так не двигает науку вперед, как признание несовершенства наших знаний.

Заключение

Попробую подвести итоги своего анализа, суммировав сделанные в ходе него заключения.

Порядочность не относится к обязательным условиям доверия. Причина такого положения вещей заключается в том, что знание, на котором строится доверие, не обязательно раскрывает действительную суть явления, но этого знания бывает достаточно, чтобы сформировать требующиеся для появления доверия переживания и убеждения.

Доверие — необходимый компонент психического переживания человека. Человек вынужден решать проблему одиночества и хаотичности опасного мира, в который он оказался заброшен. В поисках любви и путей устранения тревоги, пытаясь влиять на мир, человечество прибегает к онтологическим допущениям и упрощениям вроде стереотипов и метафор. Надежда и мнение являются основой доверия, а значит, в конечном счете — и веры.

Попытки объективировать доверие до «реального» разбиваются об имманентные свойства коммуникации. Ни образы, ни язык не могут считаться надежными свидетелями, вместо них говорят правдоподобное и воображаемое. Наши ожидания определенного поведения от политика базируются на вере и податливости иллюзиям. Феномен плюралистического невежества помогает осознать, что мы не обладаем законченным и полным знанием, что мы нуждаемся в других людях для формирования своей позиции.

Большое значение при формировании такой позиции имеет и историческая последовательность: если новая информация согласуется с дискурсивным опытом субъекта, возникает чувство реальности, подтверждающее правдоподобное и кристаллизующее убеждения.

Признание несовершенства имеющихся в нашем распоряжении познавательных механизмов открывает путь к переосмыслению политической радикализации и фанатизма. Осознание огромной роли веры в политических процессах повышает резистентность общества к манипуляциям политиков. Люди готовы умирать и убивать за свои убеждения. Понимание того, что в политическом пространстве нет знания, а есть лишь вера, должно способствовать развитию критического мышления и толерантности и в конечном счете стимулировать развитие гражданского общества.

Библиография

- Барт** Р. 2014. *Мифологии*. — М.
- Бубер** М. 1995. *Два образа веры*. — М.
- Витгенштейн** Л. 1991. О достоверности // *Вопросы философии*. № 2.
- Гидденс** Э. 2011. *Последствия современности*. — М.
- Голосов** Г.В. 2001. *Сравнительная политология: Учебник*. — СПб.
- Инина** Н.В. 2014. Фанатизм как деструктивная форма веры // *Консультативная психология и психотерапия*. № 5.
- Кристева** Ю. 2013. *Семиотика: Исследования по семанализу*. — М.
- Лакан** Ж. 2009. *Работы Фрейда по технике психоанализа*. — М.
- Лакан** Ж. 2014. *Психозы*. — М.

Локшин И.М. 2015. Все объясняется всем? Некоторые эпистемологические и методологические вызовы для современной политической науки // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. № 5.

Лосев А. 2014. *Диалектика мифа*. — СПб.

Сартр Ж.П. 2000. *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии*. — М.

Селигмен А. 2002. *Проблемы доверия*. — М.

Травин Д.Я. 2016. *Просуществует ли путинская система до 2042 года?* — СПб.

Тульчинский Г.Л. 2000. Сущность и существенность: Философско-логический анализ // *Логико-философские штудии*. — СПб.

Фрейд З. 2008а. Почему война? // Фрейд З. *Вопросы общества и происхождения религии*. — М.

Фрейд З. 2008б. *Сочинения по технике лечения*. — М.

Фукуяма Ф. 2004. *Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию*. — М.

Хаустов Д.С. 2014. Теорема Томаса: Жизнь одной идеи // *Идеи и идеалы*. № 3 (21).

Чалдини Р. 2000. *Психология влияния*. — СПб.

Diamond L. 1999. *Developing Democracy: Toward Consolidation*. — Baltimore.

Luhmann N. 1979. *Trust and Power*. — N.Y.

Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F. 1996. What Makes Democracies Endure? // *Journal of Democracy*. Vol. 7. № 1.

Russell B. 1997. *The Problems of Philosophy*. — N.Y., Oxford.

Tesser A., Campbell J., Mickler S. 1983. The Role of Social Pressure, Attention to the Stimulus, and Self-Doubt in Conformity // *European Journal of Social Psychology*. Vol. 13.

Voltaire. 1764. *Dictionnaire philosophique portatif*. — Genève.

Yamagishi T., Cook K., Watabe M. 1998. Uncertainty, Trust and Commitment Formation in the US and Japan // *American Journal of Sociology*. Vol. 104. № 1.

References

Barthes R. 2014. *Mifologii*. — М

Buber M. 1995. *Dva obraza very*. — М.

Cialdini R. 2000. *Psihologija vlijanija*. — SPb.

Diamond L. 1999. *Developing Democracy: Toward Consolidation*. — Baltimore.

Freud S. 2008а. Почему война? // Freud S. *Voprosy obshhestva i proishozhdenija religii*. — М.

Freud S. 2008b. *Sochinenija po tehnike lechenija*. — М.

Fukuyama F. 2004. *Doverie: Social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniju*. — М.

Giddens A. 2011. *Posledstvija sovremennosti*. — М.

- GolosoV** G.V. 2001. *Sravnitel'naja politologija: Uchebnik*. — SPb.
- Haustov** D.S. 2014. Teorema Thomas'a: Zhizn' odnoj idei // *Idei i idealy*. № 3 (21).
- Inina** N.V. 2014. Fanatizm kak destruktivnaja forma very // *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija*. № 5.
- Kristeva** Ju. 2013. *Semiotika: Issledovanija po semanalizu*. — M.
- Lacan** J. 2009. *Raboty Freud'a po tehnike psihoanaliza*. — M.
- Lacan** J. 2014. *Psihozy*. — M.
- Lokshin** I.M. 2015. Vse objasnjaetsja vsem? Nekotorye epistemologicheskie i metodologicheskie vyzovy dlya sovremennoj politicheskoj nauki // *METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshhestvovedcheskih disciplin*. № 5.
- Losev** A. 2014. *Dialektika mifa*. — SPb.
- Luhmann** N. 1979. *Trust and Power*. — N.Y.
- Przeworski** A., Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F. 1996. What Makes Democracies Endure? // *Journal of Democracy*. Vol. 7. № 1.
- Russell** B. 1997. *The Problems of Philosophy*. — N.Y., Oxford.
- Sartre** J.-P. 2000. *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoj ontologii*. — M.
- Seligman** A. 2002. *Problemy doverija*. — M.
- Tesser** A., Campbell J., Mickler S. 1983. The Role of Social Pressure, Attention to the Stimulus, and Self-Doubt in Conformity // *European Journal of Social Psychology*. Vol. 13.
- Travin** D.Y. 2016. *Prosushhestvuet li putinskaja sistema do 2042 goda?* — SPb.
- Tul'chinsky** G.L. 2000. Sushhnost' i sushhestvennost': Filosofsko-logicheskij analiz // *Logiko-filosofskie shtudii*. — SPb.
- Voltaire**. 1764. *Dictionnaire philosophique portatif*. — Genève.
- Wittgenstein** L. 1991. O dostovernosti // *Voprosy filosofii*. № 2.
- Yamagishi** T., Cook K., Watabe M. 1998. Uncertainty, Trust and Commitment Formation in the US and Japan // *American Journal of Sociology*. Vol. 104. № 1.